

2. Демидова, О. А. Моделирование доверия населения к основным социальным и политическим институтам: сравнительный эконометрический анализ / О. А. Демидова // Прикладная эконометрика. – 2011. – № 1 (21). – С. 114–132.
3. Киселев, В. О. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга / В. О. Киселев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 6. – С. 51–64.
4. Терин, Д. Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов / Д. Ф. Терин // Социологический журнал. – 2018. – № 2. – С. 90–109.
5. Edelman trust barometer 2021. Global Report [Electronic resource] // Edelman. – Mode of access: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aat-uss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf> – Date of access: 12.11.2021.
6. Mishler, W. What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-communist societies / W. Mishler, R. Rose // Comparative political studies. – 2001. – Vol. 34. № 1. – P. 30–62.
7. Robbins, B. Institutional Quality and Generalized Trust: A Nonrecursive Causal Model / B. Robbins // Social Indicators Research. – 2012. – Vol. 107. № 2. – P. 235–258.

<http://edoc.bseu.by/>

*А.Л. Стризов, профессор
strizoe@yandex.ru
ВолГУ (Волгоград)*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ И ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Социальные последствия пандемии коронавируса могут быть рассмотрены с разных теоретико-методологических позиций. Одна из них исходит из планетарных масштабов распространения коронавируса и интерпретирует пандемию, прежде всего, как глобальную проблему. В этом случае в центре внимания оказываются, с одной стороны, разработка и реализация универсальных технологий противостояния новой инфекции, с другой, - стратегии координации усилий международного сообщества и его политических институтов по борьбе с ней. Важнейшей темой обсуждения и анализа здесь оказывается степень открытости национальных политических акторов, органов власти и управления, а также норм внешнему опыту, решениям наднациональных структур, внешним социально-политическим воздействиям. Это могут быть и практики здравоохранения, и элементы ковидных и иных санитарно-гигиенических ограничений, и опыт регулирования миграционных и туристических потоков.

Другая позиция, базирующаяся на концепции «общества риска», делает акцент на пандемии как факторе риска и неопределённости развития не только в глобальном, но и в локальном масштабе, а также в масштабе малых сообществ и отдельных индивидов. Этот ракурс видения ковидного и постковидного социума

сосредотачивается на ситуациях выбора варианта поведения людей и стратегий принятия институциональных решений, а также на неопределённости протекания социальных процессов в обществах, переживающих пандемию. Его политическая проекция предполагает оценку рисков периода пандемии с точки зрения их влияния на социально-политическую стабильность, электоральные процессы, а также на процесс выбора вариантов политического воздействия на общество.

Ещё одна позиция представлена конструктивистскими концепциями, которые исходят из того, что протекание пандемии во многом определяется характером дискурса её осмысления в общественном мнении, в профессиональных сообществах, а также в кругах управленческой и политической элиты. Логика конструктивизма уделяет особое внимание когнитивным сторонам жизни общества и связанным с ними практикам социального управления сознанием и поведением в ситуации пандемии. Предметом исследований и споров здесь, наряду с проблемами конструирования политических дискурсов и технологий, становится поле идей, концептов, понятий и смыслов, описывающих пространство социально-политической рациональности и политической культуры, в котором взаимодействуют сообщество граждан, политические элиты и их представители.

При всей важности международных факторов и глобальных тенденций планетарного развития, основу изменений и трансформаций конкретных обществ и связанных с ними национальных политических систем составляют внутренние основания и условия, фиксируемые второй и третьей методологическими позициями. Вторая из них выявляет тенденции объективной эволюции и связанные с ними рискогенные социально-политические практики. Третья, - конструктивистская – позиция представляет логику субъектных действий, попыток направлять и рационализировать объективно заданный процесс социально- политических изменений. Применительно к конкретным обществам важно видеть, как социокультурные особенности использования ими международного опыта, так и специфику влияния (На примере российского общества мы рассмотрим основные векторы влияния) пандемии на общественные настроения и социальные практики, а также на попытки властей управлять динамикой социально-политических изменений.

Развитие пандемии, заметно сузило пространство социальных коммуникаций, деформировало рынок труда, заметно сократив доходы населения и обострив проблемы получения от государства качественных социальных услуг. В этой ситуации в обществе, с одной стороны, возросли патерналистские ориентации и ожидания, политической проекцией которых стали консервативные установки сознания и поведения граждан. С другой стороны, часть населения, которая смогла с большей или меньшей мерой успешности найти свою нишу в рыночных отношениях, и адаптироваться к ковидным ограничениям, стала формировать практики горизонтальной солидарности и поддержки. Это усилило в обществе стихийную горизонтальную

самоорганизацию, проявляющуюся в волонтерстве, иных формах добровольной помощи и коллективной защиты своих интересов.

Пандемия оказала влияние и на взаимоотношения власти и общества. Провластные ориентации в политическом поведении проявились не только в её электоральной поддержке, но и в следовании гражданами предлагаемым должностными лицами и администраторами образцам поведения в сфере санитарии и социальной гигиены. В то же время настроения ковид-диссидентства явились фактором, усиливающим протестные настроения, а также неприятие и фактический бойкот властных ограничений и запретов, связанных с борьбой с пандемией. Неприятие этих мер способствовало радикализации критики любых действий власти и политического протеста в целом.

Пандемия трансформировала и сознание общества, изменив в нём некоторые мировоззренческие ориентиры, установки и политические стереотипы. Недоверие к власти и её представителям, к предлагаемому ими политическому дискурсу дополнилось недоверием к научному дискурсу экспертов и профессионалов, поддерживающих меры по борьбе с пандемией. Традиционный скепсис массового сознания по отношению к политико-идеологической рациональности и связанной с ней аргументации усилился скепсисом к биомедицинской аргументации и научной рациональности как таковой. В немалой мере он подпитывается «очевидной» достоверностью обыденного знания и невысоким уровнем бытовой культуры. Деструктивную роль играют накопившаяся психологическая усталость и депрессия, создающие конфликтный потенциал. В итоге в обществе формируются иррациональные по сути, но достаточно агрессивные по формам проявления поведенческие, а в социально-политическом смысле протестные ориентации. Вместе с тем относительно высокий уровень общего и профессионального образования, тот же здравый смысл и полученный в период пандемии опыт воздействуют в обратном направлении, усиливая рациональные компоненты сознания, прагматические и в целом провластные ориентации поведения, позволяющие обществу избежать катастрофического сценария развития событий.

Как видим, социальные последствия пандемии амбивалентны: они, с одной стороны, ограничивают, а иногда и разрушают привычное пространство коммуникаций, деформируют нормы, практики и сложившийся образ жизни. Социальный негатив периода пандемии деморализует часть общества, мистифицирует реальность, усиливает иррациональные ориентации сознания. С другой стороны, - кризисная встряска активизирует социальный иммунитет, пробуждает инициативу, стимулирует и развивает адаптивный потенциал. В сознании значительной части граждан картина социальной реальности рационализируется, в ней открываются новые горизонты и перспективы. В политическом плане эта амбивалентность служит основой формирования консервативно-охранительных, эволюционных (социал-либеральных) и радикально протестных ориентаций.

Доминирование одной из обозначенных тенденций, вектор её направленности и формы проявления зависят в немалой мере от политического

управления. Изучение и оценка возможных рисков позволяют власти и её представителям подготовиться к разным вариантам развития событий и действовать с упреждением. Оно требует подготовки материальных и кадровых ресурсов, а также моделирования и технологизации возможных сценариев их использования. Чрезвычайная ситуация, вызванная пандемией, требует ситуационного политического действия: превентивного, своевременного, но не запаздывающего.

Не менее важна адресность политического действия в социальном пространстве. Глобальный характер пандемической опасности ориентирует на охват действиями органов власти и управления всего населения. Их целью могут быть как стимулирование конструктивного и социально значимого поведения, так и сдерживание девиации и деструкции, а также принуждение в наиболее опасных ситуациях. Однако в условиях ограниченности ресурсов меры социальной помощи и поддержки неизбежно будут носить избирательный и приоритетный характер. При этом важно, чтобы меры, принимаемые властью, пользовались поддержкой общественного мнения, оценивались им как оправданные и справедливые.

Противостояние пандемии ещё раз напомнило общественности о необходимости уточнения смысла, а иногда и о переинтерпретации ряда ценностей. Угроза терроризма заставила современное общество скорректировать привычное для него понимание соотношения личной свободы и общественной безопасности, оправдывая ограничения первой в пользу второй. Актуальность этого в условиях пандемии должны быть дополнена новым видением общественной безопасности. Прежнее сведение её к государственной безопасности сегодня не может быть принято. При всей значимости для общества государства, макросоциальное, то есть по сути политическое значение, приобретают сегодня биомедицинская и коммуникационная безопасность.

Для обеспечения безопасности общества в целом (макросоциальной безопасности) также важны распространённость ценностных ориентаций на интеграцию и сплочённость, приобретение ими массовидного характера. Политика и управление в ситуации пандемии должны стимулировать в различных, прежде всего референтных для общественного мнения, слоях и группах ориентации на солидарность и взаимопомощь, на индивидуальную и коллективную ответственность и самоорганизацию. Пробуждая в обществе конструктивную и формально неполитическую активность по противостоянию пандемии, органы власти и управления могут решить и важные политические задачи – укрепление доверия к власти и обеспечения полноты её легитимности.